

**Русь, Литва, Москва между Рюриковичами и Палеомоновичами
в «Литовской истории» Альберта Виюка-Кояловича**

К середине XVII в. Великое Княжество Литовское стало ареной, на которой государственно-династические претензии соседей переросли в военные действия, грозившие существованию его суверенитета. Для укрепления как правовой, так и моральной его мотивации встала необходимость появления новой патриотической концепции осмысления нашей государственности и ее истоков. Таковым трудом стала двухтомная латиноязычная «История Литвы» («*Historia Litwana*») Альберта Виюка-Кояловича (Гданьск, 1550; Антверпен, 1569).

Исторические познания каждого народа имеют две стороны: одну – официальную, другую – консервативно-народную. Официальная история выстраивает событийный ряд чаще всего в угоду политическим представлениям той или иной эпохи, правящей династии либо федеративно-корпоративным интересам. Консервативно-народные представления зачастую оппозиционируют по отношению к официальной истории, им как бы «нет дела» до «чужого» мнения, «чужого» восприятия или толкования. Здесь иной принцип отбора событий национальной памятью – принцип нравственных и эстетических заветов, примеров из своей истории для своих наследников по крови, по национальной принадлежности. Для белорусов и литовцев, проживших целые столетия в одном государстве – Великом Княжестве Литовском, – и те, и другие представления имеют разные исходные точки отсчета. Если литовская историческая наука, историософия понимает свою историю как историю Литвы в широком смысле, то белорусская историческая традиция до последнего времени толковала отечественную историю в усеченном ее варианте – некоем «русском», реже – белорусском ее видении. Деление Великого Княжества Литовского белорусами и литовцами на «свое» и «чужое», думается, не имеет исторической перспективы. Сегодня никто не станет отрицать, что большинство героев, ставших символами нашей общей истории, зачастую были белорусами по крови, но литвинами по своим государственным и политическим представлениям, убеждениям. И одно, и другое явление нельзя рассматривать в отдельности, чему учит нас история и подсказывает путь, посредством которого мы можем быть взаимно поняты.

Для написания своих национальных историй как белорусские, так и литовские ученые используют одни и те же исторические источники, свидетельства. Это в первую очередь «Летописец Великих Князей Литовских», «Хроника Литовская и Жмойтская»,

«Хроника Быховца», киевские и новгородские летописные своды. Приведем в качестве примера наиболее известные издания работ литовских и белорусских историков последних восьми лет: Генадзь Сагановіч, «Нарыс гісторыі Беларусі: ад старажытнасці да канца XVIII ст.» (Минск, 2001); Альфредас Бумблаускас, «*Senosios Lietuvos istorija*» (Вильнюс, 2005); Эдвардас Гудавичюс, «История Литвы: с древнейших времен до 1569 г.» (т. 1, Москва, 2005); «*Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego*» (Краков, 2006). К сожалению, в перечне источников, используемых для написания этих книг, мы не находим ни у литовских, ни у белорусских исследователей примеров использования фактографического материала, а также авторских интерпретаций из «Литовской истории» Альберта Виюка-Кояловича. Если на белорусский язык этот исторический труд, написанный на латинском языке, не переведен и фактически не введен в научный оборот белорусской историографией, то, как известно, перевод этого памятника на литовский язык появился еще в 1988 году¹. Правда, в работах отдельных литовских историков (например, Дариуса Куолиса) можно найти ссылки на «Литовскую историю» Кояловича. Однако это скорее исключение, нежели правило.

Чтобы разрешить проблемы, связанные с восприятием истории Литвы, Руси, Московии Альбертом Кояловичем, нужно прежде всего ответить на ряд вопросов. Почему «История» написана на латинском языке? Почему в обеих частях «Истории» мы находим посвящения представителям рода Сапег? Почему обе книги изданы не на Родине автора, а в Гданьске и в Антверпене, причем именно в 1650 и 1669 годах? Почему автор довел историю Великого Княжества Литовского до 1569 года? И наконец, в какой степени «Хроника» Мацея Стрыйковского присутствует в «Истории» Кояловича?

Хронологически «История» Альберта Виюка-Кояловича написана во времена последнего Палемоновича по женской линии – Яна II Казимира Вазы (годы правления 1648–1668), а завершается она, напомним, описанием событий, связанных с правлением последнего Палемоновича по мужской линии – Сигизмунда II Августа. Напомним и тот факт, что современные автору события проецируются на предшествующую историю Великого Княжества Литовского. Уместно напомнить тот факт, что князья Радзивиллы с частью магнатов Великого Княжества Литовского в 1655 году разорвали унию Великого Княжества Литовского с Польской Коронай и по Кейданскому договору, фактически, оформили унию со Швецией. Еще одна часть белорусско-литовских магнатов и шляхты присягнула Московскому царю, Рюриковичу, Алексею Михайловичу. Наконец, третья часть белорусско-литовских магнатов во главе с Витебским воеводой Павлом Яном Сапегой осталась верной Речи Посполитой и, фактически, отстаивала суверенитет Великого

¹ Albertas Vijucas-Kojelavičius, *Lietuvos istorija*, Vilnius: Lituanistinė biblioteka, 1988 (перевод Л. Валкунаса)

Княжества Литовского. Из посвящения второй части «Истории» Казимиру Яну Сапеге, графу в Быхове, маршалку Брестскому etc., понятно, каких государственно-политических взглядов придерживался Альберт Виук-Коялович. Для него «История Литвы» – это прежде всего история суверенного Великого Княжества Литовского до Люблинской государственной унии. История же после унии, в восприятии Кояловича, – это, скорее всего, борьба за восстановление суверенитета государства. Политическая история рода Сапег лучше всего демонстрировала связь времен. Почему первая книга посвящена именно Казимиру Льву Сапеге, подканцлеру Великого Княжества Литовского, дяде Казимира Яна Сапег? Автор сам даёт ответ на этот вопрос в посвящении второй книги «Литовской истории», обращаясь к Казимиру Яну Сапеге и отмечая, что «... *sub initia exardescantis per Russiam servilis rebellionis, Res Litwana, praesidiis Patru Tui, unice servata est...*»² («... в начале разгорающегося на Руси рабского бунта литовское государство, защищенное твоим дядей, чудесным образом было спасено...»)³. Несомненно, здесь имеется в виду разрушительная казацкая война 1648–1651 гг. под руководством Богдана Хмельницкого, в планы которого входил захват белорусских Полесья и Поднепровья. Здесь же автор упоминает и отца Казимира Яна, Павла Яна Сапегу, Виленского воеводу, великого гетмана литовского, который в 1655 году разбил московские войска на реке Лесная, а в 1656 году освободил Подляшье от шведов. А. Виук-Коялович подчеркивает: «*Palmaris haec eius Gloria, non a palantis calami ubertate, sed e vero nata, pridem universam Europam occupavit*»⁴ («Эта его победная слава, рожденная не красотой льеистивого пера, но правдой, недавно охватила всю Европу»). В глоссе Коялович упоминает именно 1655 год, отмечая: «*Quanto latius per orbem, ante decennium, de Republica nostra conclamatum fuerat: tanto grandior certiorque laus servatae Patriae, Parenti Tuo constat*»⁵ («Насколько шире десять лет тому назад стало известно всему миру о нашем государстве, настолько больше и прочнее слава спасения Родины принадлежит твоему отцу»). Далее Коялович представляет Павла Яна Сапегу как истинного национального героя Литвы, подчеркивая, что именно он «*omnium votis, studiis exercitus, nobilitatis suffragiis, auctoritate Regia, Palatinus Vilnensis et supremus Litwanae Militiae Imperator dictus*»⁶ («просьбами всех, по желанию войск, по выбору аристократов и при поддержке королевского авторитета был назван Виленским воеводой и великим гетманом Литвы»).

² *Historiae Litwanae pars altera, seu de rebus Lituanorum, a coniunctione Magni Ducatus cum Regno Polonia ad Unionem eorum Dominiorum, libri octo, auctore Alberto Wuiuk Koialowicz Societatis Jesu S. Theologiae doctore, Antverpiae: Apud Iacobum Meursium, anno MDCLXIX, p. ã2 verso.*

³ Здесь и далее перевод с латинского языка Жанны Некрашевич-Короткой.

⁴ Ibid., p. ã3 recto.

⁵ Ibid., p. ã2 verso.

⁶ Ibid., p. [ã4] verso.

Почему «Литовская история» Кояловича была создана на латинском языке? Видимо, ее адресатом был прежде всего западноевропейский читатель, в первую очередь правящая элита западноевропейских государств. Ведь известно, что коронованные особы государств Западной Европы имели теснейшие политические и династические связи с монархами нашего государства. Поэтому задачей Альберта Виюка-Кояловича было представить Великое Княжество Литовское как государство, принадлежащее династически к западноевропейскому политическому сообществу. Подобные «Истории» наших соседей на латинском языке были уже известны европейскому читателю. Это хроники Мартина Кромера, Мацея Меховского, Бернарда Ваповского. Хотя автор «Литовской истории» и заявляет, что основой его труда была «Хроника» Мацея Стрыйковского, однако он нашел свой путь ее интерпретации. Его менее всего, по понятным причинам, интересует «русский» либо «московский» элемент как консолидирующее начало. Наоборот, из истории народов Великого Княжества Литовского он отбирает яркие страницы, демонстрирующие превосходство их военной мощи, силы духа, а также политическую мудрость. Таковы истории и художественно завершенные сюжеты о гибели Святослава, о походе Альгерда на Москву, о подвигах Михаила Глинского и Константина Острожского, в которых военная сила Палемоновичей всегда имела превосходство над силами Рюриковичей. Как правило, эти сюжеты завершаются афористически организованными выводами, имеющими оценочное значение.

Из текста «Литовской истории» Альберта Виюка-Кояловича понятно, что из «Хроники» Мацея Стрыйковского он исключил всё, что не касается «палемоновической» концепции происхождения великих князей литовских. Показателен в этом смысле следующий фрагмент из начала первой части «Литовской истории». «*Quis enim Zivibundum, Algimundum, Narimundum audiens, non facile cogitet Herulum quempiam aut Longobardum nominari? Haec porro nomina Litvaniae principum sunt*»⁷ («Кто же, услышав [имя] Живибунд, Альгимунд, Наримунт, не подумает сразу же, что так зовут какого-нибудь герула или лонгобарда? А ведь это имена князей Литвы»). Рассуждая о происхождении лонгобардов, автор замечает: «*Longobardi etiam, quorum primas sedes Lotaviae finitimas Scriptorum aliqui collocant, a longiore barbae pilo vulgari Lotavis ac Litvanis sermone "Ilgabarzdaii" nuncupati, a Russis forte e Sarmatia exacti, Germaniam primum, tum alias Romanorum provincias invaserunt*»⁸ («Также и лонгобарды, первоначальное место жительства которых некоторые писатели локализуют на землях, соседствующих с Латвией, из-за

⁷ *Historiae Litvanae Pars prior*; De rebus Lituanorum ante susceptam Christianarum Religionem conjunctionemque Magni Litvaniae Ducatus cum Regno Polonie, libri novem, auctore P. Alberto Wiiiuk Koialowicz, Soc. Jesu S. Th. D., Dantisci, sumptibus Georgii Försteri, Bibliopolae S. R. M. A. 1650. Cum Privilegio S. R. M. Poloniae et Sueciae, p. 7.

⁸ Ibid., p. 7–8.

длинной бороды с грубым волосом названные на латышском и литовском языке «Ilga-barzdaii», изгнанные когда-то русинами из Сарматии, вторглись сначала в Германию, а потом в другие области римлян»). Из рассуждений Кояловича логически вытекает вывод о том, что переселение Палемона, появление его в устье Немана не было ни случайным, ни чужеродным явлением. Это представлено как своеобразное **возрождение Литвы** (лонгобарды из прибалтийских земель вышли и в прибалтийские земли вернулись), только теперь это приобретало династическую подоплёку.

Не менее интересно замечание автора о половцах и печенегах. На с. 23 первой книги «Литовской истории» читаем: «*Erant Poloucii gens ejusdem cum Prussis, Litvanis ac Lotavis originis*»⁹ («Половцы были народом одного происхождения с пруссами, литовцами и латышами»). Родственными литовскому народу Коялович считает и печенегов. К чему все эти легендарные экскурсы? Напомним, что именно половцы и печенеги были самыми грозными врагами Руси в древнейший период ее истории – период возвышения Киева как центра собирания русских земель. По существу, А. Виюк-Коялович хочет показать, что борьба за первенство Руси и Литвы на наших территориях началась с противостояния Рюриковичей и Палемоновичей. И, видимо, поэтому появление Палемоновичей на наших землях писатель связывает не с первым веком нашей эры (времена Нерона), не с началом пятого века (времена Атиллы), а с девятым веком, который в русской истории ознаменован приходом Рюрика.

Ярче всего это противоборство проиллюстрировано в «Литовской истории» А. Виюка-Кояловича эпизодом гибели великого князя Святослава. Если в киевском летописном своде Нестора повествуется об убийстве Святослава неким Курей, князем печенежским, то в «Истории» Кояловича этот эпизод наполнен конкретными деталями и выводами. Во-первых, по А. Виюку-Кояловичу, великого князя Святослава убил не некий бесплеменный Куря, а «*Dux Piecinigorum Litvanus Cures*»¹⁰ («вождь печенегов, литовец Кур»). Во-вторых, он не просто сделал чашу из черепа убитого князя, как об этом повествует «Повесть временных лет»¹¹, а приказал выгравировать следующий назидательный афоризм: «*Aliena quaerendo, sua amisit*» («Ища чужого, утратил своё»). Далее А. Виюк-Коялович делает очень важное замечание: «*Sed nullae tunc adhuc forte Russis literae; quanto magis Piecinigis. Dixisse igitur tantum ea verba Cures credendus est*»¹² («Но тогда на этот счет никаких письменных свидетельств у русинов не было, а гораздо больше – у печенегов. Поэтому следует верить тому, что Кур сказал только эти слова»). Интересно отметить, что эта же

⁹ Ibid., p. 23.

¹⁰ Ibid., p. 36.

¹¹ *Повесть временных лет*, в: Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века/ сост. и общая ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева, М.: «Худож. лит.», 1978, с. 88.

¹² *Historiae Lituanae Pars prior...*, p. 36.

история пересказывается сначала у Сигизмунда Герберштейна, позже – у Мацея Стрыйковского. Прочитанная выше назидательная надпись в рассказе о гибели Святослава почти в тех же словах воспроизводится и С. Герберштейном: «*Quaerendo aliena, propria amisit*»¹³. Однако у австрийского дипломата нет упоминания о литовском происхождении Кура. У М. Стрыйковского замечание «*a ten Kures Xiqże był własny Litwin, w czym go imię jego wydawa*»¹⁴ является только комментарием к утверждениям Зонары и Ваповского, которые указывают на побратимство печенегов, половцев и литовцев. Между тем, если М. Стрыйковский считает нужным опровергнуть утверждение о том, что «*ci trzey Bracia Rurik, Sinaus y Truwor <...> pewną genealogią wiedli z Rzymskich Panów Cesarskiego pokolenia*»¹⁵, то А. Виюк-Коялович даже не упоминает об этом.

«Императорское» соперничество палемоновичей и Рюриковичей наиболее ярко с художественной точки зрения отражено в воинской повести о походе Ольгерда на Москву. А. Виюк-Коялович вслед за М. Стрыйковским нарушает хронологию и относит это событие к 1332 г. Согласно польскому историку, война разразилась после победы Дмитрия Ивановича над темником Мамаем: «*Tym tedy sławnym zwycięstwem Wielki książ Moskiewski podniesiony, umyślił też pod Litwą Pogany Witebsiego, Kijowskiego y Połockiego księstw Ruskich wojną dochodzić <...> posłał mu szablę y ogień, obiecując go w Wilnie przywitać z tymi upominkami wielkim abo krasnym iaiem na pszyszłego roku 1332 wielikdzień albo Wielkę noc zmartwychwstania Chrystusa Pana y wszystkę Litwę za rok zwojować, a okazać moc y potężną gotowość swoją*»¹⁶. На полях значится глосса: «*To się tylko w Latopiszach Litewskich po rusku pisanych nayduje*». Эпизод этой войны действительно упоминается в белорусско-литовском летописании, правда, либо под 1375 годом, как в «Хронике Литовской и Жмойтской», либо вовсе без датировки, как в «Хронике Быховца».¹⁷

Однако Альберт Виюк-Коялович не во всём следует за Мацеем Стрыйковским. В воинскую повесть он вводит довольно объёмную думу-монолог Ольгерда о результатах этой войны. Окружив Москву, великий князь думает о том, не отказаться ли ему от битвы (приводя при этом свою собственную мотивацию) и не заключить ли мир. Вывод, к которому приходит Ольгерд, такой: «*Nunc facilem victoriam videri; cum hostis in trepidatione esset; sed longe faciliorem pacem: Paulo post belli quidem gerendi rationem fore ancipitem,*

¹³ Sigismundus Herberstein, *Rerum Moscoviticarum Commentarii* Sigismundi liberi Baronis in Herberstain [...] Russiae et [...] Moscoviae [...] descriptio [...], Basileae, per Joannem Oporinum, (1556), p. [8].

¹⁴ *Ktora przedtym nigdy światła nie widziała, Kronika Polska, Litewska, Zmudzka y wszystkiey Rusi...*, przez Macieja Osostewiciusa Striykowskiego dostatecznie napisana, złożona, y ... nowo wydźwigniona ..., W Krolewcu, u Jerzego Osterbergera, 1582, s. 129.

¹⁵ Ibid., s. 117.

¹⁶ Ibid., s. 420.

¹⁷ Vide: *Полное собрание русских летописей*, т. 32, М.: Изд-во «Наука», 1975, с. 60 – 62; 140.

pacis autem ineundae nullam»¹⁸ («Кажется, что теперь легко одержать победу, поскольку враг в замешательстве. Но мир [получить] намного легче. Пройдет время, и правильность предпринятой войны будет поставлена под сомнение, заключение же мира – никогда»). Интересен тот факт, что в воинской повести о походе не упоминается термин «Русь». В кульминационном моменте описываемой истории А. Виюк-Коялович называет обоих князей не *nomine* (по имени), а *natione* (по государственной принадлежности): «*Ita cum Moschus, subita, nimium metuit, Litvanus secutura mature praecavet*»¹⁹ («И вот, в то время как московец был чрезвычайно напуган неожиданными обстоятельствами, литовец вскоре предотвратил запланированный приход»). Здесь же приводится психологическая детализация поведения одного и другого «императоров». Если «литовец» Ольгерд спокоен и взвешенно принимает свои решения, то «московец» Дмитрий как бы лишается полководческого дара: «*Tum Demetrius, velut veterno excusso, animum et consilia in omnem partem raptare: jubere, et mox imperia mutare. <...> Omnia itaque in desperationem, desperation in preces cecidit: missi supplices legati qui offerrent amicitiam, pacemque postularent*»²⁰ («Тогда Дмитрий, как будто очнувшись от сна, душой и умом начал метаться то к одному, то к другому [решению]: отдавал приказы и тут же их изменял. <...> Таким образом, всё переросло в отчаяние, а отчаяние – в мольбы. Были отправлены с нижайшими просьбами послы, которые предлагали дружбу и просили мира»).

В белорусско-литовском летописании заключение мира Литвы с Москвой венчалось так называемым «прислонением» или «приклонением» копья. И в передаче этого эпизода А. Виюк-Коялович не совсем следует за М. Стрыйковским либо С. Герберштейном. В изложении символического послания-ответа с губкой есть (скажем, в Еврееиновской редакции) упоминание о том, как Ольгерд, зажегши губку, отдал ее послу и сказал: «Даи то господарю своему и скажи ему, что у нас в Литве огонь ест, ...А яз у него буду на Велик день и поцелую его красным яйцом, щитом и с сулицею, а божиною помощию к городу Москве копие свое прислону, ибо не то воин, что времени подобнаго воюет, но то воин, когда не во время войны над неприятелем своим неприездни доводит».²¹ Подобное заявление есть и у М. Стрыйковского в ответе Ольгерда московским послам: «*Też chcę kopiją Litewską pod Zamek Moskiewski przystawić / aby wiedział Książ Moskiewski/ iż nie to woiennik co do roku odkłada / y co pogody patrzą / ale ten który zaraz y w niepogodzie myśli / iakoby mógł stratę nagrodzić / omieszkania powetować / y zabierać swoiey*

¹⁸ *Historiae Litvanae Pars prior...*, p. 295.

¹⁹ *Ibid.*, p. 296.

²⁰ *Ibid.*, p. 295.

²¹ *Полное собрание русских летописей*, т. 35, М.: Изд-во «Наука», 1980, с. 223.

szkodzie».²² Момент ритуального действия с копьем важен и интересен для хрониста во всех деталях: «A potym sam Olgerd kopiją o scianę zamkową skruszył / a drugie Latopiszczce swiadczą / iż tylko przystawił / aby Moskwa pamiętała / iż Litwa z Olgerdem kopije swoje pod Zamek Moskiewski przystawowała».²³ Однако у А. В. Кояловича имеется существенное дополнение: «*Perfecturum mox, ut allisa ad palatium Demetrii hasta, illud alte inscriptum relinqueret: non illum Imperatorem esse, qui bellani momenta in annos differendo, occasionibus quaerendis indormit: sed aum, qui ipsam occasionum egestatem in belligerandi commoditates vertit*» («Затем должно случиться так, что, когда копье будет брошено во дворец Дмитрия, там пусть останется высоко такая надпись: Не тот полководец, кто, откладывая время войны на годы, спокойно поджидает удобного повода, а тот, кто даже само отсутствие [всяких] поводов превращает в удобство ведения войны».²⁴

Заметим, при описании как гибели Святослава, так и поражения Дмитрия А. Виюк-Коялович в качестве своеобразной конклюзии действия заостряет внимание на памяти письменной, памяти зафиксированного на письме свидетельства одержанной победы. Это закрепление в памяти не менее важно и в том смысле, что Московские князья, по версии М. Стрыйковского, были наследниками и Белорусской монархии, власть которой, видимо, перешла к Московскому князю Дмитрию, поскольку после того Батый «*Ruskie wszystkie Państwa prawie do gruntu zwojował, także Polskę aż do Legnice y Węgry splundrował, kniaziov wielkich Moskiewskich Dziedzicow Bieło Ruskiey Monarchiey Jurego i Wasila poraził i zabił*».²⁵

Особый интерес представляют исторические сведения о великом князе Витовте и интерпретации его деятельности А. Виюком-Кояловичем. Он опускает информацию о «русинскости» великого князя. Между тем, «Хроника Быховца» сообщает: «*Perwy Witolt, a koli rusinom ostał, dali byli imia iemu Jurj, i koli sia ochrestył w ladckuiu wiru, tohdy imia iemu dano Alexander*».²⁶ Приобретение территорий Белой Руси Витовтом во времена великого князя Свидригайлы имело, видимо, стратегическое значение. А. Виюк-Коялович заостряет внимание на царственном происхождении тех князей Руси, которых Витовт подчинил своей власти: «*Orsza per brevem vim expugnata, Druckum movit. Drucenses enim Principes, primorum Russiae Regum progenies, ...*»²⁷ («Завоевав с небольшими силами Оршу, он двинулся на Друцк. Ведь Друцкие князья – род первых царей Руси...»).

²² *Ktora przedtym nigdy światła nie widziała, Kronika Polska, Litewska, Zmodzka y wszystkiey Rusi...*, s. 420–421.

²³ *Ibid.*, s. 421.

²⁴ *Historiae Lituanae Pars prior...*, p. 293.

²⁵ *Ktora przedtym nigdy światła nie widziała, Kronika Polska, Litewska, Zmodzka y wszystkiey Rusi...*, s. 419.

²⁶ *Полное собрание русских летописей*, т. 32, с. 141.

²⁷ *Historiae Lituanae Pars prior...*, p. 52–53.

Итак, исторический путь, пройденный Великим Княжеством Литовским, в представлении Альберта Виюка-Кояловича концептуально разнится от его видения как в белорусско-литовском летописании, так и в польском его осмыслении. Новая патриотическая концепция историка позволила значительно расширить рамки национальной памяти, углубив ее свидетельствами из дотоле неизвестного книжного материала, а также забытыми сведениями легендарного характера.